

Се Синьцзянь обомлел. Как Ли Вэньсю вообще мог написать такое прямо в комментариях?!

Сделав скриншот, Синьцзянь тут же переслал его Ли Вэньсю. В душе смущение перемешалось с каким-то невнятным, не поддающимся объяснению чувством.

— Учитель Ли, ваш ответ...

Ли Вэньсю отозвался мгновенно:

— А что-то не так?

Этот простой вопрос загнал Се Синьцзяня в тупик.

«И впрямь, а что не так?»

Если посудить здраво, то придаться вроде бы не к чему. Актер не соврал ни единым словом: они не ссорились, их отношения ничуть не испортились, а объявлять о новом проекте режиссёра Ло пока нельзя — следовательно, и настоящую причину вчерашних слёз раскрывать не полагалось.

Всё выглядело абсолютно логично, вот только... почему же от этой фразы так разило недвусмысленным подтекстом?!

Потирая вспыхнувшие щёки, Се Синьцзянь уткнулся в экран и набрал:

«... Да нет, всё нормально».

Отправив сообщение, он снова открыл комментарии под постом Ли Вэньсю и прилип к экрану, пролистывая ветку за веткой.

Ли Вэньсю крайне редко делился личной жизнью в сети. В своё время, снимаясь в первой ленте Ло Юаньцзе, он и вовсе пропал из медиаполя на целый год. Однако даже без регулярного напоминания о себе каждая его новая кинокартина взрывала индустрию, неизменно подтверждая его незыблемый статус признанного мэтра.

Поклонники Ли Вэньсю — «каштаны» — давно привыкли к его периодическим исчезновениям и относились к ним с полным дзенем. Им было совершенно неважно, что именно он опубликует, — главное, что кумир вообще подал признак жизни.

И едва пост появился, как комментарии вспыхнули ликованием:

«Ой, а кто это у нас появился в ленте? Присмотрелась... ба, да это же мой муж, которого не было дома полгода!:-)»

«Главное — вернулся! Пообещай только, что будешь писать хоть немного чаще, ладно?»

«@Се_Синьцяннь, Сяосиньсинь, умоляю тебя, заставь нашего мужа выкладывать посты почаще!!»

Се Синьцяннь только и смог, что лишиться дара речи.

«И почему вообще все прошения летят ко мне?!»

Пока «каштаны» праздновали возвращение кумира, фанаты их пейринга устроили в комментариях настоящий праздник.

«Народ, гляньте! Вчера Сяосиньсинь выложил сетку из девяти фоток, и там были те же самые пейзажи! Выходит, они вместе ездили навестить режиссёра Ло, вместе фотографировались, а потом вместе возвращались? И Синьцяннь расплакался прямо по дороге назад?!»

«Видали, грязнородные желтушники?! У них всё прекрасно! У людей глубокие, нежные чувства, а вы тут со своими сплетнями совали нос не в своё дело!»

«Я одна разглядела в ответе актера сплошную нежность и потворство?..»

«Я вовсе не собиралась шипперить их, но они сами пихают мне в рот эту сладость!»

Се Синьцяннь уже не раз сталкивался с безудержной фантазией фанатов и прекрасно понимал: если продолжить чтение, скачка давления не избежать. Он закрыл приложение, выключил телефон и улёгся спать — в конце концов, завтра предстоял визит в компанию на запись.

Поводов для беспокойства перед предстоящей работой у него не было.

После подписания контракта производитель прислал ему комплект умных устройств «Сяоняо». Он несколько раз опробовал голосовое управление колонкой: фраз там требовалось немного, и все они звучали предельно просто и естественно.

На следующий день к часу дня Се Синьцяннь вместе со своим менеджером прибыл в студию звукозаписи в высотке «Сыжуй Медиа».

Хотя компания специализировалась преимущественно на киноиндустрии, музыкальное направление у них развивалось не менее мощно. Именно «Сыжуй» подарила миру

популярнейшего айдола Гу Синъе, знаменитого композитора Ван Хэлоу и топового поэта-песенника Ли Шуцы.

Студия располагалась на двенадцатом этаже. Синьцзянь приехал на час раньше, чтобы спокойно пробежать глазами реплики.

Как утверждал заказчик, этот пакет озвучки создавался специально под него и получил название «Режим Се Синьцзянь». Производители полностью переписали диалоги и пользовательские команды, добавив множество эксклюзивных фишек — звучало заманчиво и многообещающе.

Предвкушая нечто интересное, Се Синьцзянь развернул распечатку сценария — и обомлел.

Кто-нибудь мог объяснить, откуда здесь взялись эти абсолютно дикие, абсурдные фразы?!

— Вы уверены, что не перепутали текст? — с нескрываемым изумлением переспросил он.

— Ни в коем случае, — качнула головой Гао Цзявэнь. — Мы всё перепроверили несколько раз, да и звукорежиссёр от «Сяоня» уже здесь. Всё верно.

Синьцзянь беспомощно развёл руками:

— Но почему... почему реплики именно такие?!

Гао Цзявэнь лишь недоуменно пожала плечами:

— Ты же сам сказал, что это просто реплики и они могут писать всё, что вздумается.

Се Синьцзянь лишился слов.

Кто же мог предположить, что создатели умной колонки окажутся настолько изобретательными на всякие выкрутасы?!

Видя, как парень отчаянно смущается, Гао Цзявэнь смягчила тон и мягко добавила:

— А по-моему, вышло отлично. Диалоги живые, милые и очень точно попадают в твой образ. К тому же копирайтеры «Сяоня» ночами не спали, пока разрабатывали этот голосовой пакет. Им остаётся только записать тебя и запустить обновление — поклонники уже сгорают от нетерпения.

Сестра Цзявэнь отлично знала, насколько мягкосердечен Синьцзянь. Как бы он ни сгорал от

неловкости, узнав о труде целой команды, он ни за что не бросит всё на полпути.

Так и вышло. Тяжело вздохнув, Се Синьцзянь сцепил зубы и шагнул в кабину записи.

Вот только, перечитывая дурацкие строчки, он всякий раз сгорал от стыда и мысленно поклялся, что после завершения работы никогда в жизни не прослушает эти аудиозаписи снова.

Когда он закончил озвучку, на часах было уже восемь вечера. Синьцзянь собирался отправиться на ужин, когда в коридоре неожиданно столкнулся с Гу Синье. Тот только что завершил запись новой песни, так что парни решили поужинать вместе.

— Через пару месяцев у меня сольный концерт, — Гу Синье выглядел непривычно собранным. После завершения съёмок в фильме «Лицемерный вид» он тут же вернулся к яркому стилю и на этот раз выкрасил шевелюру в сочный розовый цвет. Его глаза азартно блестели. — Не хочешь прийти в качестве специального гостя?

— Когда именно? — спросил Се Синьцзянь.

Гу Синье назвал дату.

Синьцзянь с сожалением качнул головой:

— Скорее всего, не получится. В эти дни я уже буду на съёмках.

— Опять новый проект? — оживился Гу Синье. — И с кем на этот раз?

Се Синьцзянь на мгновение замялся и лишь потом тихо проговорил:

— Официального анонса ещё не было, так что пока никому не обмолвись.

Гу Синье энергично ударил себя кулаком в грудь:

— Да ты за кого меня принимаешь? Ещё сомневаешься!

Убедившись, что в коридоре никого нет, Синьцзянь опустил голос до шепота:

— Вместе с учителем Ли. В новом фильме режиссёра Ло Юаньцзе.

— Вот это да, ну ты даёшь! — ахнул Гу Синье. — Ты ведь в компании всего год, а уже отхватил два таких гигантских проекта!

Се Синьцзянь и сам находил своё везение невероятным: стоило ему подписать контракт с «Сыжуй», как удача повалила сплошным потоком, будто компенсируя все прежние невзгоды.

После завершения работы над озвучкой весь оставшийся май прошёл в спокойном, расслабленном ритме.

Единственным требованием оставался строгий контроль над питанием и физическими нагрузками, чтобы прийти в нужную форму для роли Бай Цзинняня.

На съёмках «Лицемерного вида» режиссёр тоже заставлял его следить за весом, но тогда упор делался на наращивание мышечной массы — требовалось выправить осанку и придать облику собранность и статность.

В «Долгом лете» всё было с точностью до наоборот. На этот раз Ло Юаньцзе потребовал урезать калорийность рациона и свести к минимуму тренировки: тело должно было стать сухопарым, хрупким, а сам образ — пропитаться мрачной меланхолией. Всё это соответствовало классическому типу меланхолика: замкнутого, ранимого, погружённого в свои переживания, внешне сдержанного, но обладающего глубоким, кипящим внутренним миром.

Именно таким представал Бай Цзиннянь с первого взгляда.

В середине мая Се Синьцзянь получил первую часть сценария.

Тридцать лет назад двадцатидвухлетний студент-режиссёр Бай Цзиннянь получил приглашение в магистратуру престижнейшей зарубежной киноакадемии. В глазах окружающих он был баловнем судьбы и гением, однако сам отнюдь не испытывал восторга от собственных успехов.

С тех пор как на первом курсе он снял свою дебютную короткометражку, мгновенно принесшую ему громкую славу, он больше не мог создать ничего, что тронуло бы его собственное сердце — ни целого фильма, ни единого кадра.

В свои двадцать один Бай Цзиннянь оставался болезненно чувствительным, замкнутым и отчаянно одиноким.

Его переполнял бурный океан чувств, но он не находил слов, чтобы выплеснуть их наружу.

Перед отъездом за границу, в летние каникулы, он отправился на отдалённый остров Вэйхай в поисках вдохновения, надеясь запечатлеть то, что наконец заставит его ожить.

Остановился Бай Цзиннянь в заброшенной прибрежной вилле своего институтского наставника.

Остров Вэйхай затерялся в южных водах Китая. Чтобы добраться до места, после перелёта требовалось перегрести на пароме, а затем долго ехать на машине.

В день его приезда небо заволокли тучи. Такси петляло по извилистой прибрежной дороге; высунувшись из окна, Бай Цзиннянь разглядел вдалеке белое здание, утопающее в густой зелени. Дом выглядел отрешённым от всего мира, пропитанным глубоким одиночеством.

Вилла простояла пустой слишком долго. Открытый бассейн пересох, мягкий мох затянул дно и выполз на газон, а буйная растительность сплошь заполнила сад. Человек отсутствовал всего пару лет, но природа уже успела вернуть себе власть над этим уголком.

Единственным несомненным плюсом оставалось расположение: из окон открывался захватывающий вид на бесконечную морскую гладь.

Стоя перед панорамным окном спальни и глядя на свинцово-чёрные волны, Бай Цзиннянь жадно вдохнул влажный воздух.

Без сомнения, это место пришлось ему по душе.

Ему потребовалась целая неделя, чтобы привести дом в порядок: он заменил перекошенные ветром двери, починил забитые краны и залатал протекающий потолок.

Затем он раздобыл подержанный велосипед, приватизировал небольшую видеокамеру и начал колесить по дикому острову — одинокий, но абсолютно свободный.

Каждый день он уходил на рассвете и возвращался в темноте, взяв с собой лишь скромный сухой паёк. Он прочёсывал остров вдоль и поперёк.

Объектив его камеры фиксировал, как штормовые волны разбиваются о прибрежные скалы, как ураганный ветер гнёт деревья, как местные рыбаки молятся в часовне и как выброшенная на берег рыба доживает свои последние минуты на раскалённом песке...

Мир на его плёнке становился всё более детализированным, но в нём по-прежнему не хватало жизни.

Так продолжалось до тех пор, пока в вилле не появился новый постоялец — молодой художник Тан Фэн.

И именно тогда чувства, запертые в глубине души Бая Цзинняня, наконец вырвались на

свободу, затопив всё вокруг — пыльные, обжигающие и неукротимые, как и его страстная любовь к Тан Фэну.

В начале июня Се Синьцзянь вместе со съёмочной группой прибыл на остров: работа над «Долгим летом» началась официально.

Тридцать лет назад Вэйхай оставался затерянным в море уголком, куда редко ступала нога чужака. Теперь же он превратился в популярнейший курорт, ежедневно принимавший тысячи туристов, а в июле здесь и вовсе намечался «Клубничный музыкальный фестиваль».

Согласно сценарию, первые пятнадцать минут фильма представляли собой сольное повествование о Бае Цзинняне. Синьцзянь провёл на острове больше двух недель, пока наконец не отснял все свои одиночные сцены.

Как только Ло Юаньцзе выкрикнул: «Снято!», Се Синьцзянь достал телефон и увидел сообщение от Ли Вэньсю двухчасовой давности — тот сообщал, что его самолёт приземлился.

Немного подумав, Синьцзянь набрал его номер:

— Ты уже прибыл?

— Только сошёл с парома, — отозвался Ли Вэньсю. Сквозь динамик пробивался шум морского прибоя и порывы ветра. — Вы уже закончили? Мне подъехать на площадку?

— Как раз только что отсняли последний кадр, так что сворачиваемся, — ответил Синьцзянь. — Поезжай сразу в отель.

Ли Вэньсю согласился.

Замявшись на секунду, Синьцзянь поинтересовался:

— А у тебя... всё уладилось?

— Да, — голос Ли Вэньсю на мгновение потяжелел. — Но, похоже, мне снова потребуется твоя помощь.

Около десяти дней назад Ли Вэньсю отправился на задание Управления. Ещё до отъезда они с Синьцзянем договорились провести очередной сеанс терапии.

Детали операций Управления по контролю сверхспособностей держались в строжайшем секрете, и Се Синьцяннь не имел представления о текущем состоянии Ли Вэньсю. Желая не заставлять его ждать, он постарался поскорее добраться до отеля.

В эту кинокартину Ли Вэньсю вложил двадцать процентов собственных средств, а «Сыжуй», выступавшая главным дистрибьютором, добавила ещё десять. Благодаря щедрому финансированию съёмочная группа ни в чём себе не отказывала и полностью арендовала лучший курортный отель на острове. Пятизвёздочный сервис, пара минут ходьбы до пляжа и всего десять минут езды до виллы, где проходили съёмки.

Когда Се Синьцяннь вошёл в номер, Ли Вэньсю уже был на месте: его ассистент Сяо Ли как раз помогал разбирать вещи.

Увидев вошедшего Синьцяння, Ли Вэньсю сделал жест рукой, отпуская Ли Сыцзе.

— Как прошло задание? — спросил Синьцяннь, внимательно разглядывая уставшего с дороги Ли Вэньсю.

— Ничего сложного, просто много хлопот, — ответил Ли Вэньсю, устроившись на диване. За его спиной тихо колыхались от морского бриза шторы. Внешне он действительно не выглядел измождённым или пострадавшим.

Се Синьцяннь облегчённо перевёл дух.

— Будешь? — Ли Вэньсю кивнул на столик. — На стойке регистрации угостили, сказали, местный фирменный напиток. Весьма нескверно.

Синьцяннь, спешивший со съёмок, и впрямь испытывал жажду.

Присев напротив Ли Вэньсю, он взял стакан и сделал глоток. Приятная кисло-сладкая прохлада отлично освежала.

Заметив, что парень немного перевёл дыхание, Ли Вэньсю вдруг негромко проговорил:

— Сяосиньсинь.

От этого обращения Се Синьцяннь застыл как вкопанный, а в следующее мгновение зашёлся в безудержном кашле, мгновенно вспыхнув до кончиков ушей.

Ли Вэньсю протянул ему бутылку воды. Синьцяннь судорожно скрутил крышку, сделал жадный глоток и кое-как справился с приступом. Но не успел он опомниться, как в тишине номера раздался чёткий голосовой сигнал — до боли знакомый и одновременно чужой:

— «Противный! Не смей звать меня Сяосиньсинь!»

Голос звучал кокетливо, с наигранным раздражением и едва уловимой, сладкой нежностью — точь-в-точь как у капризничающего перед любимым человека.

Се Синьцзянь вытаращил глаза от невероятного шока и со свистом выплюнул воду.

Это же... это же реплика, которую он записывал для умной колонки «Сяоняо»?!!

И какого черта Ли Вэньсю вообще установил этот голосовой пакет?!

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19727/1950472>